XVIII в. не только свою слабую, иллюзорную, но и свою сильную сторону. Предшественники и противники просветителей утверждали, что вся власть на земле принадлежит богу и что человек бессилен в борьбе с его предначертаниями. Просветители же стремились в борьбе с абсолютизмом и церковью утвердить идею активности человека и человеческого разума, их право самим «делать» историю и влиять на ее результаты. При этом просветители преувеличивали роль идей в истории. Но они же подняли на небывалую до этого высоту авторитет исторического действия и исторической инициативы. Если преувеличение роли разума, государственных учреждений и идей мешало им понять зависимость самих идей от учреждений и хода вещей, то, с другой стороны, оно способствовало росту внимания историков к изучению личности и деятельности исторических реформаторов и революционеров, к сущности проводившихся ими исторических реформ и преобразований.

Борясь со средневековыми идеями и учреждениями, просветители стремились проследить отдаленные истоки этой борьбы. Они подорвали веру в «вечность» религии и церкви, «вечность» средневековых сословных представлений и государственных учреждений, средневековой философии и морали. Историю прошлого просветители стремились представить как борьбу разума и неразумия, свободомыслия и церкви, свободы и деспотизма. Правда, просветители некритически отождествляли, как мы теперь знаем, разумное общество и государство с буржуазным. Но это не помешало им проследить историю постепенного роста и развития под корой феодально-сословного общества зачатков буржуазных («разумных» в их представлении) идей и учреждений. Тем самым они подготовили почву для О. Тьерри и позднейших историков «третьего сословия» (которые, как показали Маркс и Энгельс, унаследовали от просветителей также и либерально-буржуазный взгляд на торжество «третьего сословия» как на венец общественно-исторического развития — взгляд, который на протяжении XIX в. постепенно становился все более ошибочным и реакционным).

«Исторические сочинения эпохи Просвещения, — верно замечает Г. Лукач, — были в своей главной линии исторической подготовкой революции 1789 года. Историческая концепция просветителей, во многих отношениях чрезвычайно глубокая и позволившая извлечь из забвения много новых фактов, в том числе и общественных отношений прошлого, служит... прежде всего для того, чтобы доказать „неразумность“ феодально-абсолютистского строя, необходимость его свержения и вывести из опыта предшествующей истории те принципы, с помощью которых можно создать новое „разумное“ общество и новое „разумное“ государство. Это объясняет, в частности, почему средоточием исторической теории и практики Просвещения (во Франции, — *Г. Ф.*) является античное общественное устройство: поиски причин, ко-